

В чем суть «позднего капитализма»?

Кризис социализма в СССР создал для марксистов заметные теоретические трудности. Термин «социализм» для обозначения той формы, в которой находилось советское общество, в научной литературе употребляется все реже. Но и абстрактный «капитализм» вызывает необходимость в уточнении его конкретной формы. Чаще всего его заменяют термином «посткапитализм». Те авторы, которые признают постсоветскую эпоху капитализмом, характеризуют его как «компрадорский, посреднический, брокерский»¹. Другие не менее обоснованно определяют современную общественную форму как «поздний капитализм», исходя из того, что «последнее столетие было эпохой заката капитализма»². Как же следует правильно называть современное промышленно развитое общество в его научной марксистской интерпретации? Иначе говоря, в какой формации мы живем? Ответить на этот вопрос — прямая обязанность политической экономии.

Чтобы правильно ответить на него, начать, по-видимому, следует с определения, что такое общественно-экономическая формация. Экономическая энциклопедия «Политическая экономия» определяет общественно-экономическую формацию как «исторически определенный тип общества, качественная определенность которого обусловлена существующим способом производства, спецификой *господствующей* системы производственных отношений»³. Из этого определения следует, что общество, рассматриваемое абстрактно, представляет собой систему, имеющую многоукладную структуру, в которой выделяется господствующий уклад, «образующий эко-

ЛОСКУТОВ Владислав Иванович — профессор Мурманской академии экономики и управления, доктор экономических наук.

ТИХОНОВА Жанна Владиславовна — доцент кафедры экономики и финансов Мурманской академии экономики и управления, кандидат экономических наук.

Ключевые слова: капитализм, поздний капитализм, менеджмент, марксизм, империализм, кризис капитализма, современная экономика, К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин.

¹ Губанов С. Неоиндустриализация России и нищета ее саботажной критики // Экономист. 2014. № 4. С. 3.

² См., например: Бугалин А. Поздний капитализм: капитал, рабочий, креатор // Свободная Мысль. 2014. № 1. С. 139.

³ Экономическая энциклопедия. Политическая экономия: в 4 т. М.: Советская энциклопедия, 1979. Т. 3. С. 146.

номическую основу данной общественно-экономической формации»⁴. Все остальные уклады являются, следовательно, второстепенными формами хозяйства. То есть, как установил К. Маркс, «каждая форма общества имеет определенное производство, которое определяет место и влияние всех остальных производств и отношения которого поэтому также определяют место и влияние всех остальных производств. Это — общее освещение, в котором исчезают все другие цвета и которое модифицирует их в их особенностях. Это — особый эфир, который определяет удельный вес всего существующего, что в нем обнаруживается»⁵.

Многоукладная структура общества, таким образом, есть обязательное его свойство, которое позволяет исследователям обнаруживать тенденции и видеть перспективы его развития в каждый данный исторический момент. Хотя в некоторых случаях в научных целях исследователю бывает эффективнее абстрагироваться от этого факта — как при создании «Капитала» К. Маркс абстрагировался от существования ремесленников, крестьян и кооперативных хозяйств, то есть «таких товаропроизводителей, производство которых не подчинено капиталистическому способу производства»⁶.

Метод исследования социально-экономических явлений, следовательно, зависит от содержания исследуемых исторических фактов. Так, в середине XIX века метод абстрагирования способствовал успеху исследования законов и перспектив развития капиталистического способа производства, определяющего формацию. Но в эпоху монополистического капитализма — особенно после Октябрьской революции 1917 года, целью которой было построение социализма, — метод абстрагирования производственных отношений, прежде всего отношений собственности, от сосуществующих форм перестал отвечать научным потребностям, превратившись в фактор догматизации марксистского учения, приведший ко многим политическим ошибкам.

Крупнейшей из этих ошибок, обусловившей кризис социалистической системы отношений и развал СССР, стало представление об упразднении в Советской России капиталистических производственных отношений (прежде всего товарных) непосредственно сразу в результате революции. Определеннее всего этот взгляд изложил Н. И. Бухарин, утверждавший, что «при государственной власти пролетариата и пролетарской национализации производства исчезает процесс производства прибавочной ценности», а «система пролетарской диктатуры делает немислимой какую бы то ни было эксплуатацию вообще, ибо она превращает коллективно-капиталистическую собственность и частнокапиталистическую форму ее в “собственность” коллективно-пролетарскую. Следовательно, несмотря на формальный момент сходства, здесь дана *диаметральная противоположность* по существу». Точно так же «категории товара, цены, заработной платы, прибыли и т. д. одновременно существуют и не существуют»⁷.

⁴ Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. Т. 4. М., 1980. С. 217.

⁵ **Маркс К.** Из экономических рукописей 1857—1858 годов // **Маркс К., Энгельс Ф.** Сочинения. Изд. 2. Т. 12. С. 733.

⁶ **Маркс К.** Теории прибавочной стоимости // **Маркс К., Энгельс Ф.** Сочинения. Т. 26. Ч. I. С. 417.

⁷ **Бухарин Н. И.** Проблемы теории и практики социализма. М.: Политиздат, 1989. С. 106, 138, 151.

Исходя из такого (явно ошибочного) представления, российские революционно настроенные массы первоначально даже попытались упразднить товарные отношения «красногвардейской атакой на капитал». Только после Кронштадтского и Тамбовского восстаний (в понятийной системе советской историографии — *мятежей*) большевикам от этого намерения пришлось отказаться и признать законными мелкие формы частной собственности, перейдя к нэпу. Впрочем, один из руководителей компартии, Е. А. Преображенский настаивал на том, что «лишь с одного-единственного конца здесь (в переходной экономике. — *В. Л., Ж. Т.*) можно говорить о значительном влиянии закона ценности — со стороны рабочей силы и ее оплаты»⁸. Но в 1937 году он был расстрелян, после чего в советской теории возобладала догма, что «в пролетарской советской госпромышленности средствами производства владеет коллективный рабочий, и, так же как индивидуальный ремесленник, он не может сам себя ни эксплуатировать, ни продавать самому себе свою коллективную рабочую силу»⁹. Этот неприкрыто софистический тезис стал непререкаемой догмой на все время существования советской теории, не оставляя шансов на развитие точки зрения Преображенского.

Только в 1974 году концепция личной собственности на рабочую силу как фактор товарных отношений при социализме была вновь воспроизведена советским экономистом В. П. Корниенко, причем лишь в 1990 году она была обнародована в открытой печати. Наряду с двумя формами собственности на средства производства (государственной и коллективной) как общепризнанной причины товарных отношений при социализме существует еще один источник, писал Корниенко, — «две формы собственности на факторы производства (государственная и личная). По мере завершения строительства социализма следует ожидать слияния форм собственности на средства производства и превращения государственной собственности в общественную. Поэтому единственной причиной возможности существования товарного производства в условиях социализма “остаётся” сохранение двух форм собственности на факторы производства — общественной и личной... Единственным товарообразующим фактором в условиях социализма является в конечном счете личная собственность»¹⁰.

Из контекста статьи следовало, что личной собственностью В. П. Корниенко называл не предметы потребления, а рабочую силу. Впервые эту идею он высказал и научно обосновал намного ранее — в монографии «Личная собственность как социалистическое производственное отношение». «Сочетание двух форм собственности на факторы производства (общественной — на средства производства, а следовательно, и предметы потребления, и личной — на рабочую силу), — писал он, — является главной чертой, отличающей социалистические производственные отношения от коммунистических. Коммунизм предполагает преодоление этого

⁸ Преображенский Е. А. Новая экономика. М.: Госполитиздат, 1926. С. 282.

⁹ Лapidус И. А., Островитянов К. В. Политическая экономия в связи с теорией советского хозяйства. М.; Л.: Госполитиздат, 1930. С. 428.

¹⁰ Корниенко В. П. Товарные отношения и форма рабочей силы при социализме // Экономические науки. 1990. № 3. С. 16.

различия»¹¹. Однако эта выдающаяся работа была запрещена к широкому изданию и опубликована только в небольшом количестве сигнальных экземпляров. Не получила широкой научной поддержки идея Корниенко о собственности на рабочую силу как причине существования при социализме товарных отношений и в материалах конференции, посвященной проблемам рабочей силы при социализме, проведенной в Ленинградском университете в 1972 году¹².

С тех пор вплоть до кризиса советской социалистической системы и разрушения Советского Союза в экономической науке вопросы отношений собственности на рабочую силу больше не поднимались.

Поэтому нельзя не признать назревшим обращение А. В. Бугалина к «ключевой проблеме: как, исходя из марксистского анализа, ответить на некоторые принципиальные вопросы, касающиеся социальной структуры позднего капитализма и положения человека в этой системе?». Положительным подходом к этой проблеме несомненно является необходимость прежде всего «разделять *сущностные* классовобразующие признаки, лежащие в основании этой структуры, с одной стороны, и *производные*, с другой», поскольку он позволяет опереться на «азбуку марксизма», раскрывающую «фундаментальные противоречия классического индустриального наемного работника», которые «состоят в том, что, с одной стороны, он является субъектом, заинтересованным в снятии присвоения прибавочной стоимости классом капиталистов и обобществлении средств производства, но, с другой стороны, он же является частным собственником товара “рабочая сила”, заинтересованным в максимизации дохода от продажи своего товара. И в этом своем качестве — то есть как частный собственник — он является “нормальным”, адекватным рынку и капитализму субъектом, у которого нет никакого другого интереса, кроме как подороже продать и подешевле купить»¹³.

Такой подход к проблеме заставляет также вспомнить, что В. И. Ленин, основываясь на своем анализе империалистической фазы капитализма, еще до революции определял социализм «как ближайший шаг вперед от государственно-капиталистической монополии. Или иначе: социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, *обращенная на пользу всего народа* и постольку *переставшая* быть капиталистической монополией. Тут середины нет. Объективный ход развития таков, что от *монополий* вперед идти *нельзя*, не идя к социализму»¹⁴.

Последующая почти столетняя история подтвердила этот научно обоснованный вывод. Практика доказала, что государственно-монополистическая собственность может в течение определенного исторического периода служить *равным основанием* для существования как капиталистического, так и социалистического *политического* строя. Суть различия этих двух

¹¹ **Корниенко В. П.** Личная собственность как социалистическое производственное отношение. Киев: Вища школа, 1974. С. 5.

¹² См. Социально-экономические проблемы рабочей силы при социализме. Л.: Изд-во ЛГУ, 1972.

¹³ **Бугалин А.** Поздний капитализм: капитал, рабочий, креатор. С. 135, 138, 139.

¹⁴ **Ленин В. И.** Грозящая катастрофа и как с ней бороться // **Он же.** Полное собрание сочинений. Т. 34. С. 192.

систем состоит в том, подчиняют ли монополии государство своим интересам, или государство, служащее интересам большинства населения, подчиняет себе монополии.

С победой в СССР «криминальной контрреволюции» беспринципные чиновники, подвизавшиеся на поприще образования — как это часто бывает при революционных переменах, — постарались предать забвению аргументы прежних вождей. Так, вместе с именем В. И. Ленина из учебных программ был исключен и его фундаментальный труд «Империализм как высшая стадия капитализма», в котором он охарактеризовал империалистическую стадию развития капитализма как переходный этап к социализму, или «умирающий капитализм»¹⁵. Тем самым, по существу, был скрыт научно обоснованный и исторически подтвержденный факт: империализм действительно является *паразитической, загнивающей и умирающей* стадией капитализма.

Обывателям может показаться, что капитализм слишком «красиво загнивает» и слишком долго умирает, чтобы это было правдой. Но ничего необычного в этом нет. «Красиво» загнивают и долго умирают все формации, все политические режимы. В роскоши в течение нескольких столетий загнивала рабовладельческая Римская империя. Феодализм как господствующая формация начал умирать в городах-коммунах Северной Италии уже в XIII веке. В Нидерландах он был упразднен революцией в конце XVI века, в Англии — в середине XVII, во Франции — в конце XVIII, в России — в начале XX столетия. Но и по сей день некоторые элементы феодальных отношений — в виде частного права на рентные доходы и внешние символы вроде феодальных титулов — кое-где сохраняются.

Первая фаза гибели формаций происходит, как правило, в революционной форме. Это объясняется тем, что вначале представители умирающих формаций чувствуют себя достаточно сильными в политическом, экономическом и военном отношении, чтобы отстоять свое господство в борьбе с представителями нового способа производства и соответствующего ему общественного уклада. Но после того как новый способ производства обнаруживает свое экономическое преимущество, представители старой формации все больше уступают сначала экономическую, затем неизбежно социальную и наконец политическую власть. В конечном счете долгое время могут сохраняться только ничего не значащие внешние атрибуты (титулы, звания, ритуалы), создающие у обывателей иллюзию сохранения старых форм. Образцовым историческим примером является метаморфоза королевской власти в Англии со второй половины XVII века до наших дней.

Процесс умирания капитализма протекает гораздо быстрее, чем предшествующих формаций. Первые симптомы его приближающейся гибели обнаружили основоположники марксизма в середине XIX века. Вирус смерти заключался в том, что они назвали «капиталистическим обобществлением производства». В конце XIX века это обобществление приняло уже такие размеры и формы, а обреченность капитализма стала настолько явной, что миллионы людей начали организовываться в социал-демократические

¹⁵ Ленин В. И. О продовольственных отрядах // Он же. Полное собрание сочинений. Т. 36. С. 424.

и иные левые партии, чтобы ускорить процесс его неминуемой гибели. Их противники сосредоточили свои усилия на том, чтобы не допустить революций, подобных российской и китайской. Но природа имеет в запасе много способов реализации своих фундаментальных законов, в том числе закон отрицания отрицания. Революции — только ускорители развития, а окончательное преобразование форм происходит эволюционно. «Смерть кашеева» капиталистической формации заключается не в происках зловредных социалистов, а все в том же обобществлении производства, которое составляет существенное свойство самого капитала.

В наше время нет необходимости ссылаться ни на В. И. Ленина, ни на других коммунистических авторитетов, чтобы напомнить предаваемую сегодня забвению истину о неизбежности умирания капитализма. По сути, вторя Ленину, Н. А. Бердяев, не принявший советской формы социализма, высказывался по этому вопросу следующим образом: «Весь мир идет к ликвидации старых капиталистических обществ, к преодолению духа, их вдохновлявшего. Движение к социализму — социализму, понимаемому в широком, не доктринерском смысле — есть мировое явление. Этот мировой перелом к новому обществу, образ которого еще не ясен, совершается через переходные стадии. Такой переходной стадией является то, что называют связанным, регулируемым, государственным капитализмом»¹⁶.

События XX века явились блестящим подтверждением учения классиков о неизбежности отмирания капиталистических отношений и, следовательно, капитализма как господствующей общественной формы. При жизни В. И. Ленина частнохозяйственный капитализм еще занимал важное положение в обществе, но уже к концу XX века во всех развитых странах он отошел на вторые роли. Власть капиталистов достигла своего пика не позднее Первой мировой войны, а ко Второй мировой войне крупных капиталистов уже вытеснили профессиональные менеджеры. Этот факт с теми или иными отклонениями по срокам подтверждается многими исследователями. «Капиталист либо рассеялся в массе людей, каждый из которых не есть капиталист, либо превратился в организацию наемных лиц, либо стал подчиненным лицом денежного механизма. Понятия “капиталист” и “капитализм” потеряли социологический смысл»¹⁷. То, что еще осталось от капиталистической эпохи, — не просто капитализм, а государственно-монополистический капитализм — последняя «ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, никаких промежуточных ступеней нет»¹⁸.

Именно это пытался объяснить своим соратникам В. И. Ленин в 1918 году, утверждая, что «государственный капитализм был бы *шагом вперед* против теперешнего положения в нашей Советской республике» и что «левые коммунисты не поняли, каков именно тот переход от капитализма к социализму, который дает нам право и основание называться социалистической республикой Советов», что «выдвигая пугало “государственного

¹⁶ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1968. С. 125.

¹⁷ Зиновьев А. Глобальное сверхобщество и Россия. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. С. 46—47.

¹⁸ Ленин В. И. Грозная катастрофа и как с ней бороться. С. 193.

капитализма», они обнаруживают непонимание Советского государства в его экономическом отличии от буржуазного государства»; считая государственный капитализм главным врагом социализма, «левые коммунисты», по утверждению Ленина, «обнаруживают свою мелкобуржуазность именно тем, что не видят мелкобуржуазной стихии, как главного врага социализма у нас»¹⁹.

Таким образом, даже если согласиться с теми, кто считает строй, пришедший в конце XX века в России на смену советскому, капиталистическим, необходимо понимать, что это за капитализм, в чем его суть. Ведь капитализм — это общее название уклада, сменившего на протяжении своего длительного существования несколько форм. Сам капиталистический уклад существует уже больше половины тысячелетия, не считая отдельных капиталистических отношений, спорадически возникавших даже в Римской империи. За это время капитализм последовательно приобретал формы свободной конкуренции, монополистического капитализма, госкапитализма, доминировавшие на разных исторических этапах, что не исключало существования наряду с ними других капиталистических, а также и некапиталистических форм, которые в

История дает основания для вывода Ф. Энгельса о человеческой глупости, не позволяющей людям осуществлять действительный прогресс до тех пор, пока их не принуждают «страдания, которые представляются почти непомерными».

той или иной мере имеют место в каждом конкретном обществе. К. Маркс хорошо это знал. Но при создании «Капитала» он избрал метод абстрагирования от этого факта, поскольку считал необходимым сосредоточиться на анализе основных закономерностей и тенденций развития основного способа производства, определяющего капиталистическую формацию. К сожалению, советские марксисты приняли этот метод как догму, проигнорировав даже прямое указание В. И. Ленина на многоукладное содержание советской экономики, что и определило догматический характер советской экономической науки.

Однако перед современным обществом стоит иная задача: на основе знаний, выработанных мировой экономической мыслью, среди которых, помимо работ К. Маркса и Ф. Энгельса, особую значимость имеют труды Т. Веблена, Дж. Гэлбрейта, Дж. Кейнса, П. Кругмана, В. Ленина, Г. Плеханова, М. Туган-Барановского, Дж. Ходжсона, Й. Шумпетера, — найти возможности и пути эволюционного развития всех способов производства и определяемых ими укладов. Для истории все равно, каким способом совершается

¹⁹ Ленин В. И. О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности // Полное собрание сочинений. Т. 36. С. 295.

гибель старых формаций и рождение новых — эволюционно или революционно; но для людей, живущих в условиях перемен, это далеко не безразлично.

История доказывает, что прогрессивное развитие человечества так или иначе в конечном счете осуществляется. Но она же дает основания для вывода Ф. Энгельса о человеческой глупости, не позволяющей людям осуществлять действительный прогресс до тех пор, пока их не принуждают «страдания, которые представляются почти непомерными»²⁰.

Глупость человеческая действительно является существенным субъективным фактором революционных способов осуществления общественного прогресса. Причем не столько глупость революционеров, спешащих осуществить прогресс раньше, чем созрели необходимые для этого объективные условия, сколько тех, кто стремится сохранить как можно дольше удобные для них, но отживающие общественные отношения. Их глупость и корысть.

Бывают, конечно, революции, которые проистекают из незнания, непонимания людьми объективных законов развития общества. О глупости говорить приходится только в тех случаях, когда знания, уже полученные предшествующим опытом человечества, отвергаются, а ошибки повторяются. К таким случаям следует отнести неприятие «элитой» современных промышленно развитых стран давно известного науке и уже не раз подтвержденного исторической практикой факта *неизбежности отмирания капиталистического общества*, то есть общества, в котором *господствуют интересы капиталистов*, и замещения его более прогрессивной общественной формой, в которой *господствуют совместные интересы всех членов общества*.

Попытки затянуть этот неизбежный процесс не могут закончиться ничем иным, как насильственной революцией. Чтобы предотвратить такой сценарий, нынешнему поколению ничего другого не остается, как постараться осуществить прогресс эволюционными методами. Для этого, очевидно, необходимо опереться на положительные знания, выработанные общественными науками, и прежде всего остановить деградацию фундаментальных экономических знаний, служащую в настоящее время одним из основных факторов нагнетания в обществе взрывоопасной революционной ситуации.

Деградация знаний, в частности, проявляется в трактовке современного кризиса социализма как возврата страны к капитализму, что невозможно в принципе. Еще древние мыслители знали, что «нельзя дважды войти в одну и ту же реку», а современные знают, что история развивается «по спирали» и ни в коем случае никогда не возвращается в однажды пройденную точку. Сложившуюся в результате кризиса систему квазирыночных отношений простые граждане могут называть капитализмом. Но ученые, берущиеся их просвещать, а также политики, претендующие на организацию масс для участия в борьбе за торжество социалистических принципов, не вправе называть эту систему капитализмом, не уточняя ее суть. Этим они вредят

²⁰ Энгельс Ф. Письмо Полю Лафаргу. 25.02.1893 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 39. С. 35.

обществу, вводя людей в заблуждение и ослабляя их борьбу лишением правильных целей.

Дело в том, что систему социально-экономических отношений, сложившихся в современных индустриальных, а тем более «постиндустриальных» странах, если и называть капитализмом, то только с добавлением термина «менеджерский», поскольку название формации, по общему правилу, должно указывать на доминирующий в обществе экономически активный слой.

Термин «капитализм» характеризует общество, в котором господствуют интересы капиталистов. Но давно и хорошо известно, что в современном обществе основными секторами экономики являются государственный и акционерный, или корпоративный, а определяющую роль в них играют не капиталисты и не акционеры, а их менеджеры, «технократия» как назвал этот социальный слой Дж. Гэлбрейт, или «бюрократия», как называют его россияне.

Более ста лет назад основоположники марксистской науки определили акционерный капитал как «упразднение капиталистического способа производства в пределах самого капиталистического способа производства и потому само себя уничтожающее противоречие, которое прежде всего представляется простым переходным пунктом к новой форме производства». Это противоречие, как им уже тогда было ясно, «ведет к установлению монополии и потому *требует государственного вмешательства*». При этом «оно воспроизводит новую финансовую аристократию, новую разновидность паразитов в образе прожекторов, учредителей и чисто номинальных директоров; оно воспроизводит целую систему мошенничества и обмана в области учредительства, выпуска акций и торговли акциями»²¹.

В их времена еще довольно слабо прослеживалась та метаморфоза, которую предстояло совершить управляющим акционерными предприятиями, — от положения обыкновенных наемных служащих корпораций до их руководителей и фактических хозяев. Однако уже тогда начался процесс освобождения капиталистов от функций управления своими предприятиями наемными служащими. За капиталистами осталась только функция получения доходов по акциям и спекуляции ими.

Впоследствии факт усиления роли наемных лиц в управлении корпорациями многократно усилился. Тенденция подчинения не только простых акционеров, но и директоров акционерных компаний своим наемным управляющим непрерывно возрастала. «Акционеры, понимая слабость положения, становятся пассивными; они либо автоматически голосуют за список управляющих, либо вообще не участвуют в голосовании. Директора приходят к выводу, что своей властью они обязаны управляющим, а не акционерам. Поэтому они ограничиваются простым утверждением решений управляющих»²².

К середине XX столетия стало очевидно, что «в крупной корпорации владелец — это обычно лишь пассивный получатель дохода; что, как правило,

²¹ Маркс К. Капитал. Т. 3 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 25. Ч. I. С. 481, 482.

²² Гэлбрейт Дж. Экономические теории и цели общества. М.: Прогресс, 1979. С. 118.

контроль находится в руках администрации и что управляющие сами подбирают своих собственных преемников»²³. В этом смысле прошлый век в целом подтвердил правоту марксистского учения о путях развития социализма под воздействием капиталистического обобществления производства. Однако при жизни основоположников марксизма положение «*наемных лиц* — служащих» было еще «одинаковым с положением привилегированных, лучше оплачиваемых рабочих». Их *превращение в хозяев* корпораций, имеющих доходы более высокие, чем у рядовых работников и даже собственников-акционеров, произошло гораздо позже.

Честь сделать научный вывод из подобных фактов предоставлена современным экономистам. И он достаточно очевиден: «наемные лица» современных корпораций в лице «членов исполнительного аппарата в крупных компаниях» превратились в полновластных хозяев своих компаний, новых эксплуататоров, — *но не в капиталистов, а в «тех, кто считается капиталистом»*²⁴, если придерживаться научной, а не обывательской терминологии.

Многие современные теоретики склонны корпоративных менеджеров считать капиталистами. Однако они не капиталисты. Под воздействием «гигантской армии управленцев» капиталисты в значительной степени выродились из легитимных и полновластных *собственников* во *владельцев* денежного капитала и *как господствующий класс перестали существовать*. Пока еще они сохранились в сфере мелкого и среднего бизнеса, но в крупных корпорациях капиталисты, вытесненные из сферы управления профессиональными менеджерами, либо измельчали до простых акционеров, либо превратились в рантье.

Этот внешне незаметный факт принципиально меняет природу современного «капитализма» — *менеджерского капитализма*. Суть этих перемен верно выразил Й. Шумпетер. Главный их итог состоит в том, что «капиталистический процесс отодвигает на задний план все те институты, в особенности институт частной собственности и институт свободного контракта, которые выражали потребности и методы истинно “частной” экономической деятельности... Капиталистический процесс, подменяя стены и оборудование завода простой пачкой акций, выхолащивает саму идею собственности. Он ослабляет хватку собственника, некогда бывшую такой сильной, — законное право и фактическую способность распоряжаться своей собственностью по своему усмотрению. В результате держатель титула собственности утрачивает волю к борьбе — борьбе экономической, физической и политической за “свой” завод и свой контроль над этим заводом, он теряет способность умереть, если потребуется, на его пороге»²⁵.

С тех пор как Й. Шумпетером были написаны эти слова, все отмеченные им признаки разложения капитализма, подтверждающие его «умирание» — если воспользоваться выражением В. И. Ленина, — только усилились. На За-

²³ Там же. С. 119.

²⁴ Маркс К. Капитал. Т. 3. С. 482.

²⁵ Шумпетер Й. А. Капитализм. Социализм и Демократия. М.: Экономика, 1995. С. 197.

паде «экономисты давно уже признали, что власть от акционеров переходит к управляющим. Растет также понимание того, что цели управляющих могут отличаться от целей владельцев». Не составляет тайны и причина совершающегося в мире переворота — хотя и эволюционного, но от этого не менее неотвратимого, чем революция — отделения собственности от процесса управления.

Управляющим корпораций совсем не обязательно владеть контрольным или просто большим пакетом акций, чтобы быть крупнейшими акционерами. Главными распорядителями суммарного капитала корпораций стали их менеджеры, склонные к бюрократизму, или оппортунизму, как предпочитают говорить современные теоретики. Поэтому нынешнюю фазу капитализма правомерно называть *менеджерским*, или *бюрократическим*.

То, что в СССР в течение 70 лет развился строй, при котором доминирующее значение приобрел слой *государственной бюрократии* во главе с партией, которая была важнейшей составной частью государственного аппарата, сегодня знает весь мир. Гораздо менее широко известно, что в странах, по традиции называемых капиталистическими, *в то же самое время на основе того же самого государственно-монополистического способа производства постепенно сложился строй, при котором господствуют интересы так называемой технократии*. Но «технократия» — не самый удачный термин для характеристики того социального слоя, который играет решающую роль в монополиях, поскольку его составляют не технические специалисты, а управленцы, менеджеры всех уровней. Правильнее называть этот слой *хозяйственной бюрократией*.

К сожалению, сущность бюрократии как специфического активного общественного слоя современной экономической наукой не рассмотрена. Поэтому приведем ее в определении К. Маркса: «Так как бюрократия есть по своей *сущности* “государство как формализм”, то она является таковым и по своей *цели*. Действительная цель государства представляется, таким образом, бюрократии *противогосударственной* целью. Дух бюрократии есть “формальный дух государства”. Она превращает поэтому “формальный дух государства”, или *действительное* бездушное государства, в категорический императив. Бюрократия считает самое себя конечной целью государства. Так как бюрократия делает свои “формальные” цели своим содержанием, то она всюду вступает в конфликт с “реальными” целями. Она вынуждена поэтому выдавать формальное за содержание, а содержание — за нечто формальное. Государственные задачи превращаются в канцелярские задачи, или канцелярские задачи — в государственные. Бюрократия есть круг, из которого никто не может выскочить. Ее иерархия есть *иерархия знания*. Верхи полагаются на низшие круги во всем, что касается частных дел; низшие же круги доверяют верхам во всем, что касается понимания всеобщего, и, таким образом, они взаимно вводят друг друга в заблуждение»²⁶.

Вытеснение капиталистического способа хозяйствования менеджерским является главным свидетельством умирания капиталистической фор-

²⁶ Маркс К. К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 1. С. 271—272.

мации. Менеджеры — не капиталисты. Цель их деятельности — максимизация не прибыли корпорации, а личных доходов. Следовательно, и *основной закон менеджерского капитализма — максимизация не прибыли, а менеджерских доходов*. Поскольку капиталистический экономический базис в современном посткапиталистическом обществе, по привычке ошибочно называемом капиталистическим, *уже не существует*, обществу осталось сменить только надстройку — создать аппарат власти, способный обратить крупные корпорации и природные ресурсы на пользу всего народа, подчинив их интересам всего общества, а не управляющего класса чиновников и бюрократов. Но это сделать тоже невозможно, если не убедить большинство общества в том, что прибавочный продукт, а тем самым и прибавочная стоимость, есть собственность общества в целом. ◆